

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ 1941 – 1944 ГГ. В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Алеся Корсак
Новополоцк, Беларусь

В данной статье на основе полевых материалов, в ходе этнографических экспедиций собранных на территории Верхнедвинского, Городокского и Россонского районов Витебской области, а также южных районов Псковской области, рассматривается процесс отображения жителями данных регионов начального этапа Великой Отечественной войны и восприятия немецких солдат и полицейских.

Ключевые слова: устная история, Великая Отечественная война, оккупация, Витебская область, Псковская область

Устная история – история конкретного человека, эмоционально осмысленная им в контексте истории коллективной. Следует отметить, что до недавнего времени воспоминания не воспринимались историками как самостоятельный и оригинальный источник информации, дающий вполне жизненную и детализированную картину происходящего. В связи с этим в данной статье устная история рассматривается нами как один из аспектов фольклорного дискурса, отображающего период нацистской оккупации белорусско-русского пограничья в годы Великой Отечественной войны.

Для проведения данного исследования были использованы материалы полевых исследований, проводимых ежегодно студентами и преподавателями учреждения образования «Полоцкого государственного университета» на территории Белорусского Подвинья, а также опубликованные воспоминания жителей Псковщины, собранные псковскими фольклористами на протяжении длительного периода с 1977 по 2009 гг. [1].

Псковщина (южный регион – Невельский, Пустошинский, Себежский, Усвятский р-ны), как и территория Беларуси (в частности, исследуемые нами Верхнедвинский, Россонский и Городокский р-ны Витебской обл.), в сравнении с другими территориями РСФСР находилась под нацистской оккупацией дольше всех – с июля 1941 г. по июль 1944 г., что и позволяет нам выявить некоторые основные моменты в отношении населения бело-

русско-русского пограничья к исследуемому периоду времени. К тому же указанные регионы входили в т.н. зону тыла группы армий «Центр», где оккупационный режим отличался особой жестокостью.

В рамках данной статьи основное внимание будет сфокусировано на отображении и восприятии в народном сознании начального этапа войны и характеристике солдат вермахта, а также полицейских из числа коллаборационистов.

Война в устных мемуарах, по мнению В.В. Барановой, предстаёт как источник особого психологического опыта, повлиявшего на жизнь рассказчика [2]. В связи с этим стоит согласиться с исследователем, что информанты с большим интересом делятся воспоминаниями о периоде нацистской оккупации. В то же самое время, в советский послевоенный период жители городов, местечек и деревень, переживших 1941 – 1944 гг., неохотно шли на контакт. Связано это, на наш взгляд, с идеологией советского государства, когда человек, проживавший на оккупированной территории в исследуемый промежуток времени, автоматически ассоциировался с пособником нацистских властей.

Начало войны в июне 1941 г. практически у всех жителей (а информантами являлись в основном те, кому на начало 1941 г. было от 8 до 14 лет) было связано с сильным эмоциональным потрясением, когда само понятие «война» выступало в качестве зловещего, но до конца непонятного предзнаменования грядущих перемен: *«...утро 22 июня 1941 г. Я праснула ад суеты маих радзителей. Бацька бегал по дому, что-то искал, мама же плакала и тиха гаварыла: «Як жа я бех тебя? Як жа дети?». А я и мая сестра ляжали на печи и ничего не разумели... Обычна мама плакала, кали бацька прыходил домой пьяный», «деревня была маленькой. В асноуным жили беларусы и русские. Жили очэнь дружно, помагали друг дружку».*¹

Что касается старшего поколения, то практически все знали, что война рано или поздно настанет, но как всегда она началась неожиданно и внезапно: *«Ой, что было! А мы как раз в Еменце, праздник был престольный, там парк, там всё – гуляем. Ай, как кликнули, все: «Караул! – кричали, – война!». Гитлер напал. На десять лет договор заключён. Ай, вот... И бягом дамой, а там уже повестки – военкомат, в военкомат... людям. Ужас! Ужас, что делалось»* [1, с. 53].

Образ врага во все времена рисовался отрицательным. Великая Оте-

¹ Записано от Циро А.В. 1930 г.р. д. Выдрицкие Верхнедвинского р-на Витебской обл.

чественная война в этом плане, на наш взгляд, была особенной: нацисты в основу своей идеологии поставили расовую теорию с последующей её реализацией в первую очередь на оккупированной территории Советского Союза. Для осуществления своих планов соответственно были сформированы различные структуры и военные силы: для ведения военных действий – вермахт, для осуществления карательных операций и политики геноцида – войска СС и вспомогательные полицейские батальоны, для экономической эксплуатации – хозяйственные инспекции и т.д. В соответствии с этим и сформировался противоречивый образ врага, что и подтверждают полевые исследования.

Так, когда по территории приграничных районов Витебщины и Псковщины проходили регулярные части вермахта, в ведении которых не было планомерное уничтожение местного населения согласно плану «Ост», соответственно «*эти немцы*» не отражались в воспоминаниях как нечто ужасное: «...не все немцы были фашистами. Некоторые были и хорошими. Када немцам прыхадили посылки из дому, ани всегда угащали всем тем, што присылали из дому. И письма прыхадили немцам из дому з фотакартками их жонак и детей. Ани наказывали фотакартки и плакали. Када мой дед спрасил у немцев, сколько вы партизан убили, ани гаварили, зачем их убивать, ведь ани тожэ дастойны жизни».¹

То же самое подтверждается и жителями Псковщины: «*всякие были немцы, были, были и хорошие. Один был... очень... какой-то... боле. Раньше было от такой... блестящей бумаге белой опилоки, с опилок, такой. Ну вот, бывало, ему принесут этот паёк. Он достаёт типа шоколадки, хлебушка этого – даст ребятам...*» [1, с. 6].

Со всего комплекса записей выделяется рассказ жительницы д. Харитоново Россонского р-на о немцах, когда респондент пытается найти соответствующую аргументацию довольно гуманному поведению немецких солдат, которое противоречило образу оккупанта: «...*немцы часта сами галадали. Кали яны захадзили у дом, то прасили шпик и яйка. А лица у их были такая жаласливыя. Нават было дивно сматрэць, у их жа аутаматы. Каб не гитлерауцы были, тут жа накармиу бы... Але николи усё не забирали. Мабыць, баялися партизан?!*».²

Но когда вслед за регулярными частями пришли войска СС с целью реализации политики геноцида, то отношение населения изменилось одно-

1 Записано от Тясто А.С. 1928 г.р. д. Ольшаники Верхндвинского р-на Витебской обл.

2 Записано от Косаревской В.И. 1930 г.р. д. Харитоново Россонского р-на Витебской обл.

моментно: *«Немцы прыйшли у начале июля 1941 г. Мы их баялися. Сначала вяли сябе ани нармальна, а вось кали пайшли тылавья частки, то начали грабиць народ и убиваць»*.³ Ещё один факт: *«...отношение к немцам в деревне было нормальное, но когда появились эсесовцы, начались расстрелы»*.⁴

Следует отметить, то отношение людей к немцам и оккупационной власти зависело во многом от месторасположения населённых пунктов и нахождения в них приверженцев «нового порядка». Так, если деревни находились вглубь леса и далеко от железнодорожных станций и переездов, то они практически не извещали всей сущности нацистской политики вплоть до начала проведения карательной операции в 1943 г. «Зимнее волшебство», которая проводилась против партизан и местного населения в районе треугольника Себеж – Освея – Полоцк. Не всегда простыми были отношения гражданского населения с партизанами. Однако сельчане к партизанским реквизициям, скорее, с пониманием. *«Уночы прыхадзили партизаны и брали, што им нада было. Их асуждаць можна, але и им была нада как-то пракарमितся»*.⁵

Совсем другая картина представляется там, где стоял немецкий гарнизон. Так из воспоминаний Д.С. Ледак 1935 г.р. *«в нашей деревне (д. Шатрово Врехнедвинского р-на) был построен наблюдательный пункт. Всех строго контролировали. Жителям нельзя было выходить из деревни – всех проверяли. У местного населения отбирали продукты, кур, полушубки. Деревня находилась около железной дороги. Когда партизаны пускали под откос состав, немцы врывались в деревню, устраивали обыски, выстраивали под дулы автоматов, грозили расстрелом»*.⁶

Образ так называемого «полицая» практически у всех жителей вырисовывается отрицательным за редким исключением. Как правило, на службу к нацистам шли недовольные советской властью (преступные элементы, раскулаченные и т.д.). Из воспоминаний М.И. Долматовой 1925 г. р. следует, *«...из местных, кто был на службе у немцев хорошо помню жителя Ш. Он был зол на евреев, а также на коммунистов за то, что они раскулачили его отца. Поэтому он добровольно в 17 лет записался в полицию и стал полицаем. Сам лично вместе с немцами расстреливал евреев, коммунистов,*

3 Записано от В.А. Иванова 1930 г.р. д. Краснополье Россонского р-на Витебской обл.

4 Записано студенткой группы 09-ПГС-1 Долматовой А. от М.И. Долматовой 1925 г.р. д. Двор Черепино Россонского р-на Витебской обл.

5 Записано от Фоменковой Ф.А. 1928 г.р. д. Мурзы Верхнедвинского р-на Витебской обл.

6 Записано от Ледак Д.С. 1935 г.р. д. Шатрово Верхнедвинского р-на Витебской об

партизанов». ¹ Ещё несколько свидетельств с территории Верхнедвинского р-на: «Немцы забирали усё. Але не так немцы, як палицаи. Палицаи были прадавалисваих...»; ² «Палицаи забивали людзей за сувязь з партызанамі, здэкваляся з жанчын, забивали их. И цяпер перад вачмі стаіць жудасная картина: палицаи данесли, што у адну з хат заходзілі партызаны, дзе жыла бабулька і маці з 3-гадовай дзяццынкай. Палицаи выгналі их на вуліцу і расстралялі, а дзячучына, закручаная у коудру, засталася жывой, але пакуль знайшлі, ручки абмарозіла. Памерла». ³

Практически тот же самое вспоминают и жители приграничных районов Псковщины в отношении к полицейским. Часто пособники нацистского режима пытались компрометировать партизан, приходя в деревни, представлялись ими, соответственно жители доверительно рассказывали про немцев: «От у нас одна женищина жила с сыном, и пришли как будто партизаны. А сами полицаи. А полицаи тоже русские были, наши русские полицаи. И она подумала, что русские, и стала говорить на немцев. Там, что и кого, где она видела. Что её поставили к сараю с сыном и тут же расстреляли, сразу, эту бабу. Оказались... полицаи» [1, с. 56].

Так, в д. Дербыши Опоченского р-на Псковской обл. стоял карательный отряд из числа русских коллаборационистов, деятельностью которых, согласно свидетельствам жителей, и являлось непосредственное дискредитирование партизанского движения: «они переодевались в партизан, и они, вот, ночью могли прийти, представиться, что это партизаны, начинали обирать.... Там, ну, а народ-то какой был ещё. Мы верили во всё, что партизаны так партизан, ему всё отдавали, а потом после этих карателей приходили настоящие партизаны, так люди и не понимали, каких» [1, с. 38].

Интерес представляет собой факт развенчания мифа о «немцах как культурной нации» в представлении местного населения, помнивших события первой мировой войны. Так, «...жены ацец и гаварит мацеры маей: «Ой, свацяя, сейчас мы заживём, немцы пришли харошие людзи, ани такие вот такие. Вот счас калхозав не будзет, заживём». А там значит такая Вереница есць, эта как в Полацк едзиш. Там рэчка была. А в Клясцице был гарнизон (немецкий – авт.). Ани, значит, туду приехали, дзерэвню акружыли, ани там па-харошэму, граница радам была. Ани вывели всех мужыкоц

1 Записано от М.И. Долматовой 1925 г.р. д. Двор ЧерепиноРоссонского р-на Витебской обл.

2 Записано от Познижик И.И. 1939 г.р. д. Тинковцы Верхнедвинского р-на Витебской обл.

3 Записано от Познижик И.И. 1939 г.р. д. Тинковцы Верхнедвинского р-на Витебской обл.

*на бугарок туда и пулемёт. И вот эци самые харошые людзи. Ну и тут тада пашло, значит».*⁴

Следует отметить, что редко, но встречались из числа полицейских сотрудничавших с партизанами на протяжении всей войны, а, не начиная с 1943 г., когда стало понятно, кто победит в войне. Свидетельствует Е.М. Мамонова 1919 г. р. *«Были у вёсцы и свае палицаи. Так брат маёй сяброуки был начальникам палицыи и праз свайго бацьку папярэджавау аднавяскоуцау, кали и каму была пагроза».*⁵

Таким образом, период нацисткой оккупации у жителей белорусско-русского пограничья, оказавшихся практически в одинаковых условиях существования при установлении и деятельности оккупационных органов власти в 1941 – 1944 гг. отражён в воспоминаниях через три основные линии: во-первых, это начало военных действий в июне 1941 г. и появление «первых немцев на деревне», во-вторых, формирование образа врага в виде «добрага немца», «эсэсауца» и «палицая» и в-третьих, отношение к партизанскому движению. Следует отметить, что это характерно и для других территорий Белорусского Подвинья и южной части Псковщины.

1. Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: Сборник текстов устных рассказов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ / редактор-составитель Н.В. Большакова, составитель Н.Г. Савина. – Псков, 2010. – 68 с.

2. Баранова, В.В. Устные воспоминания крестьян о войне / В.В. Баранова // Традиционная мужская культура и фольклор Великой Отечественной войны. Тверь, 2002. Баранова 2002 – С. 90–97. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova1.htm>

4 Записано от Буланова Г.А. 1916 г.р. д. Заборье Россонского р-на Витебской обл. в 2009 г.

5 Записано от Мамоновой Е.М. 1919 г.р. д. ВархиГородокского р-на Витебской обл.